

Джо Паррино

Терпеливый охотник

Охота началась. На мире гуэ'ла Хальфусе, Шас'врэ Фал'шиа Бас'рех Валэль сражается против бронетанковых войск Адептус Механикус. Один против пятидесяти танков Империиума. Шансы не на его стороне. Для того, чтобы уравнивать силы, он использует всю мощь технологий Тау и Кайон — боевую доктрину Терпеливого Охотника.

Кайон избран. Приказ отдан. Охота началась.

Сверкнула молния. Внизу бушевали пожары, пожирая заводы планеты. Хальфус горел. В небесах бушевали бури, поднятые при посадке десантными кораблями.

Империя Тау пришла освободить этот мир, этот самозванный оплот марсианского жречества.

Они пришли освободить его и изгнать слепой догматизм, навязываемый далёким сердцем Империиума. Выбор был прост: жить свободными в гармонии с Высшим Благом или умереть.

Люди, потерянные и ослеплённые невежеством, скованные древними и нелепыми традициями, отвергли тау'ва. Встретили выстрелами слова. Криками заглушили предложения мира. Ответили молчанием на призывы к диалогу.

Жречество Марса, как называли себя гуэ'ла, встретило тау'ва насилием, выкрикивая молитвы. Посланников тау казнили, даже не дав им сказать ни слова. Вместо ответа Империя получила назад лишь изуродованные тела. Были предъявлены обвинения в разжигании мятежа, и тау, чей разум уже был устремлён к этой цели, к этой планете, ответили на них с тяжёлым сердцем. Индустриальный мир будет приведён к покорности Империи Тау, его кузницы будут перестроены, а люди освобождены в соответствии с тау'ва.

Но Шас'врэ Фал'шиа Бас'рех Валэль думал не об этом. В его голове всё ещё звенели слова. Приказы, отданные самим шас'о без изысков и предисловий. Простые приказы.

— Охотся, — сказал ему командир. — Покажи гуэ'ла, чего стоит отвергнуть Высшее Благо.

Врэ'валэль кивнул, признавая свою роль и место в великой борьбе. Отданные им приказы были так же просты.

И теперь он шёл через развалины города людей. При виде шас'врэ команды воинов огня уважительно склоняли головы, а в глазах их сверкало что-то близкое к благоговению. Он не обращал внимания.

Шас'врэ прошёл мимо команды «Залпов», что притаились за осыпающимися кирпичными стенами здания гуэ'ла. Они прекратили стрелять из рельсовых винтовок и в знак уважения опустили орудия.

Им, своим собратям, Врэ'валэль сказал тихие слова ободрения.

А затем он ушёл, скрылся в густом сумраке неосвещаемых городских улиц.

Таласка Йонс глядявалась в тёмную халфусийскую ночь из недр «Несокрушимого железа», но не видела ничего сквозь дым, пламя и пепел. Даже сенсоры — ауспики «Леман Русса» мало что

могли разобрать, хотя работали на пределе. Они проехали под огромной аркой в форме половины шестерни — священного для механикус символа. Она быстро сложила на груди знамение шестерёнки.

Если бы Таласка Йонс была полностью человеком, то могла бы выругаться, но она стала иной более двадцати лет назад. Механикус — да восславятся они! — удалили части её мозга и тела и заменили надёжными машинами. Поэтому Таласка Йонс лишь прошептала молитву Омниссии и благословенному духу «Несокрушимого железа».

Булькающий голос командира танка, Энри Харнольда, донёсся до неё на машинном канте. Он был подчёркнут указателями вежливости, но суть была выразительной и суровой.

— Видно что-нибудь?

— Почтенный сэ, я не вижу ничего, — ответила Таласка Йонс, дополнив сообщение решимостью и дисциплиной.

Харнольд удовлетворённо кивнул. Это был странно человеческий жест для того, кто потерял почти шестьдесят процентов плоти.

— Хорошо, — прошептал командир танка. Они были далеко в тылу, вдали от ксеносов, но осторожность никогда не бывает лишней.

Танк двинулся дальше.

Через две минуты он погиб. Первые потери. Первые жертвы.

Таласка Йонс, командир Харнольд — никто так и не понял, что их убило. Никто не увидел. Никто не услышал.

Только что они были живы, а в следующее мгновение остались лишь дымящиеся обломки.

В четырёхстах метрах справа по параллельной улице двигался Дельта-88В. Адепт Гурольф Прайс использовал сенсоры танка, пытаясь проникнуть сквозь окутавший его туман войны, загрязнений и производства. Атмосфера Хальфуса никогда не отличалась особой чистотой и стала только хуже после того, как прибыли ксеносы, а взбунтовавшиеся рабочие подожгли половину благословенных заводов.

Они как раз ехали мимо двух таких заводов — огромных и внушительных созданных по одному шаблону кирпичных зданий, на стенах которых догорали молитвенные знамёна. Ветер раздувал пламя.

Адепт Прайс выругался. Он воспользовался грубым языком, обрывками кода, мерзкими по самой сути. Это выдавало в адепте глубокое чувство тревоги, глубокое чувство эмоций и недостатка благословенной логики.

Он получил от командующего танка предупреждение, смягченное, однако, выражающими понимание символами. «Эмоциональные реакции не подходит служителям машины».

Адепт Прайс прошептал извинения и продолжил сканировать маршрут. На экране прыгали и дрожали линии показателей, складывающиеся в здания или прячущихся в переулках диких рабочих.

Прайс смотрел на экраны аугментическими глазами, которые кликали и жужжали, пока остатки его мозга сканировали рудиментарный манифольд в поисках возможных ответов. Из-за помех система работала неправильно, сигнал то появлялся, то исчезал.

А затем по манифольду пронеслось нечто. Нечто маленькое, похоже на чашу и невозможно быстрое. Его глаза не увидели данного объекта. Прайс закрепил его ярлыком и передал пакет данных командующему для просмотра.

— Что за...? — начал командир.

Но он так и не закончил вопроса.

А Прайс так и не ответил.

Плазма пронзила «Леман Русс» и разнесла Дельту-88В на части. Прайса, командующего и экипаж расплыло.

«Теорема» отставала. Какая — то вздорная часть духа машины, недовольная тем, что её так скоро пробудили после рождения, отказывалась идти на полной скорости.

Реггис Кверат, офицер-ноосферик «Теоремы», пытался объяснить проблему командующему офицеру в «Гибельном клинке» батальона, Альфе-01А. Он моргнул, когда в акустических приёмниках раздались помехи.

— 88В исчез, — прошипел Трейор Гант, сенсорий «Теоремы».

— Объясни, — потребовал ответа командующий Лювер Вьятт.

— Он просто исчез, сэр, — ответил Гант, ошеломлённый недостатком знания. По танку прошла дрожь. Недостаток знания одновременно тревожил и пугал.

Кверат попытался отрешиться от разговора, отбросить непрошенные чувства. Он сфокусировался на назначенной ему благословенной задаче и вернулся к обсуждению с офицером Альфы-01А. В его ушах вновь зашипели помехи, но теперь Кверат мог поклясться, что слышал сквозь них что-то, что-то... иное.

Он как раз собирался предупредить командира и попросить разъяснений, когда танк получил два попадания по траверсу.

«Теорема» перестала существовать.

Врэвалэль улыбнулся. Не насмешливо, не из высокомерия и даже не радуясь победе. Это было ниже достоинства того, кто посвятил себя тау'ва, ниже его достоинства. Такое поведение более подобало гуэ'ла.

Впереди кружили дроны, ища, докладывая. Но на самом деле это было лишним. Гуэ'ла не пытались скрыться.

Двое уже пали от его руки. Были уничтожены во имя Высшего Блага, повержены за его неприятие и рабскую покорность доктрине нетерпимости.

Их машины или «танки», как они назывались на скверном языке гуэ'ла, были грубыми творениями высокомерия и силы, мало отличающимися от наспех сколоченных махин бе'гел. Дребезжащие механизмы с резкими линиями и мрачной окраской, подобающей замыслам их творцов, так непохожие на чистые плавные машины касты огня, сверкающие цветами Фал'шиа и Империи Тау.

Вокруг разбегались гуэ'ла или падали на колени при виде его и его костюма. По каналу связи разносились пронзительные крики, характерные для охотящихся круутов, в то время как воины в костюмах — невидимках сдержанно и профессионально уведомляли его о ходе идущей битвы. Молчание других было заметным и совершенно правильным.

Вылетевшие на разведку дроны стрекотали, передавая ему подробную карту окружающего региона и приближающейся бронетанковой колонны. Вре'валэль прищурился, думая, как адаптировать его план, его кайон, к текущей ситуации. Он отдал новые приказы.

И вновь улыбнулся безгубой улыбкой, скривив синюю кожу.

— «Теорема», учтите, что вы отстаёте. Увеличьте скорость и вернитесь в строй, — Юрия Келт, командующий офицер на борту Альфы–01А так устал это говорить, так устал слушать бесполезные извинения Кверата, что наполнившее его системы раздражение даже захлестнуло подавители эмоций.

И тогда связь с «Теоремой» оборвалась. Без объяснений, докладов, намёков. Раздражение Келта росло. Затем он кое-что заметил, и раздражение сменилось тревогой.

Пропали две другие машины. Келт попытался связаться по воксу с «Несокрушимым железом» и «Дельтой–88В». Ответа не последовало.

Тогда Келт оповестил о ситуации командира танкового подразделения, магоса Фиписа Хуросса. Хуросс, блеснув в ноосфере высокомерием, приказал Альфе–01А продолжать следовать курсу. Ксеносы не могли навредить столь грозной машине, огромному «Гибельному клинку» на службе Омниссии, выкованному в ныне не работающих кузницах давно мёртвыми халфусийскими техножрецами. 01А не ехал по какой — то конкретной улице, не придерживался конкретного пути. Он не нуждался в дорогах, он прокладывал их сам. Они стыдились того, что проламывались через благословенные кузницы, что вредили функциональности планеты, и могли лишь молиться Омниссии, дабы он отпустил им сей грех.

Затем нечто подобное пандемониуму охватило Альфу–01А, захлестнуло системы и экипаж. Танки, благословенные машины, святые в глазах Омниссии и его правоверных, гибли, исчезали без предупреждения, без ответа.

Хаос и поругание. Командир танка, глава батальона, старшие технопровидцы... все кричали на Лингве Технис и Готике. Они не боялись за свою безопасность, ведь их жизни были неприкосновенны и защищены Императором и Омниссией. Что приводило их в ярость, что наполняло их страхом, так это неудача. Гибель стольких благословенных машин смердела неудачей, смердела невыполненной задачей.

Мерцали лампы и качались кадила, отбрасывая в задымлённом отсеке безумные тени. Юрия Келт отчаянно искал «Теорему» и не мог найти ни следа танка. Машина была мертва. Он чувствовал это с глубокой инстинктивной уверенностью и потому ненавидел это чувство. Келт прокручивал показания «Леман Руссов» на ауспике.

На его глазах с дисплея исчезли ещё два танка, ещё два благословенных механизма. «Машина торжествующая» и Дельта–86Ф, грозные «Леман Руссы», пик имперского совершенства механикус... просто исчезли.

В воксе гремел голос магоса Хуросса, требовавшего чего — то, хотя бы крошечного намёка, что он контролирует ситуацию. Ответа не было.

Шли напряжённые минуты, напряжённые минуты, за время которых погиб ещё один «Леман Русс». В этот раз Келт услышал это, услышал своими человеческими ушами. Это услышали все в Альфе–01А. Замерцало освещение — так дух машины выражал симпатетическую боль. Из акустических разъемов вырвался вой отдачи. На экранах заплясали помехи. Разряд жаркой боли затопил системы экипажа. Тварь, что охотилась на них, что осмелилась бросить вызов мощи Империиума и Механикус, была близко.

Келт злился, насколько это возможно для служителя Омниссии, благословенного столь обширной аугментикой. Его бинарный кант был резок и подкреплён самыми срочными и заметными ярлыками. Келт чувствовал, что его гнев просачивается в манифольд и действует на других в «Гибельном клинке».

Но под покровом гнева, под покровом этой сильной эмоции таилось нечто более глубокое и примитивное. Келт с самого начала узнал это чувство, поскольку разделял его. Оно сочилось с манифольд от всего экипажа танка.

Этим чувством был ужас.

Страх делал гуэ'ла слабыми. Страх делал их неуверенными, заставлял совершать ошибки. «Отбракуй стадо» — так гласила доктрина прародителей касты огня на Т'ау, его предков. Заставь добычу бежать, чтобы измотать её. Имперцы среагировали так, как он ожидал. Танки начали собираться в группы, на ходу сбиваться в напуганные кучки.

Новая машина, его новый боекостюм, идеально подходила для этой цели, идеально подходила для охоты.

Орудия — его орудия — подвывали, сбавляя мощность.

Он перешагнул через горящие обломки танка гуэ'ла. С них на него смотрел барельеф человеческого черепа, наполовину машины, наполовину из кости — знак суеверий гуэ'ла.

Тау слышал, как в паре улиц едет его следующая цель, извергая из примитивных двигателей клубы дыма.

Врэ'валэль опять улыбнулся. Убивая, он улыбался. Улыбался достойному исполнению задачи и приближению Высшего Блага.

Келт шептал в вокс резкие приказы. Он требовал, чтобы командиры «Леман Руссов» собрались вместе и искали спасения в числе.

А тем временем на ауспике исчезали сигналы танков. «Устройство Иллкоса» «СШК 1186», «Гордость Лэнда», «Халфусийская Модель ИИ245», «Слава Марса» — все умерли бесславно. Никто не заметил убийцу. Никто не выстрелил в ответ. Осталось сорок восемь машин.

Через три минуты они впервые увидели охотящегося на них хищника.

К Келту приблизился младший техадепт, лепеча почётные обращения на Лингва Технис и сжимая в потных ладонях пикт. Келт вырвал его протянутым мехадендритом.

— Это подтверждено? — потребовал ответа Келт, уставившись на распечатку.

Оскорблённый техадепт ответил прежде, чем вспомнил, к кому обращается.

— Машина уверена. Помех не было.

Келт закачал информацию в ноосферу.

Частью мозга он анализировал данные, просеивал их, применял к изображению благословенную логику. Остальная часть мозга продолжала вести батальон к линии фронта.

Снаружи прогремел гром... или же это был взрыв?

Келт вздрогнул, и остатки его органического лица побелели. В его сознании невольно всплыл запечатлённый на пикте образ.

Оно было высоким. Высоким и смутно похожим на человека. Дым змеился вокруг машины, словно прозрачная мантия, одновременно скрывая её и выставляя напоказ. Это зрелище пугало. На разных точках гуманоидного силуэта в дыму расцветали вспышки света. Грохот орудий... столько орудий, столько пушек. Гуманоидный силуэт должен был бы воодушевить, успокоить, но он не был приземистым. Это не был дредноут Адептус Астартес, благословенная машина, созданная любящими человеческими руками.

Всё, что он мог различить — плавные линии, округлые пересечения и зловещая чуждость. Машина, враг, преследующий их хищник... она проникла в их тыл, за линию фронта, в глубины заводских округов. Теперь она сдерживала их продвижение, не давала двигаться дальше. Более того, она охотилась, убивала, не давала исполнить долг.

Запятнавший манифольд ужас усилился, когда магос Хуросс, сидевший в безопасности главного шпиля, сделал собственные заметки и выводы.

Техножрецы удвоили молитвы.

Молитвы успокаивали. Слова раздвоённых языков Лингва Технис и Высокого Готика словно змеи кружили вокруг друг друга, извивались в воксе, выползали из динамиков танка. Они успокаивающе контрастировали с раскатистыми ударами снаружи.

Они звучали как барабаны, как ярость и гнев.

Командующий Эрин Бертик, сгорбившийся на посту, наполовину ослеп. Пылало пламя. Сверкали молнии. Лица выли во внешние пикт-экраны.

За столпившимися рабочими в Развлекательной Гражданской Локации 867–АФ он не видел своего спутника, Дельту–663. О присутствии танка свидетельствовало лишь постоянное вокс — бормотание на Лингва Технис.

— Прекратить и разойтись, — объявил Эрин. Голос его был спокойным, несмотря на внутреннее смятение.

Рабочие не слушали.

— «Глупость инновации», почему вы остановились? — сжатым профессиональным тоном опытного технопровидца прошептал механутый ублюдок Келт. Он отринул слишком много человеческого ради чистоты машины. Бертик стремился к таким высотам, но он не мог не ненавидеть этого человека за его безжалостность, за его логику. Если на то будет воля Омниссии, то однажды Бертик станет таким же. Но пока он ещё чувствовал связь с человечеством.

— Разнорабочие, почтенный сэ. Нас окружили разнорабочие, — сказал Бертик, пытаясь высказать сожаление. Они были повсюду — толпились на открытых пространствах, громко кричали о правах, о прекращении притеснения.

Ответом Келта стал невербальный взвизг бессмысленных данных — аналог презрительного фырканья на Лингве Технис.

— Двигайтесь дальше, — приказал Келт.

Бертик прокантировал покорность. Их продвижение было медленным.

— Прекратить и разойтись, — вновь потребовал командир. Вновь его не услышали.

Он кивнул одному из подчинённых, и раздался басовитый рёв установленных на боковых спонсонах болтеров. Танк вздрогнул, давя рабочих, которые не успели убраться с дороги.

Эрин слышал, как то же делает Дельта-663.

Бертик, стыдящийся бессмысленной бойни, начал передавать записанные техномолитвы.

Он всё ещё молился, всё ещё транслировал, всё ещё убивал, когда нечто врезалось сзади в «Глупость инновации».

«Леман Русс» подбросило вперёд, гусеницы взвыли, не удержавшись на камнебетонной поверхности дороги. Экипаж раскидало, кровь и масло брызнули из вырванных интерфейсных соединений. Отказывали системы, сыпались искры. В двигателе дух машины зарычал, затем закашлялся, захрипел и умолк.

На экране мигнули злые красные буквы «Задняя броня пробита».

Эрин Бертик чувствовал, как по лицу стекают кровь и масло, чуял густую жидкость в носу, обонял её в воздухе встроенными сенсорами.

— Мертвы. Мы все мертвы, — кто-то застонал, едва не скуля от отчаяния и страха.

Бертик пополз вперёд на сломанных и негнущихся механических ногах. Он искал, надеялся, молился, чтобы у «Глупости инновации» осталась хоть какая — то выполняемая функция. Свет мерцал.

Он слышал снаружи резкий визг. Грохот тяжёлых шагов. Тварь, эта проклятая тварь, приближалась.

Командир протянул руки к консоли, не дотянулся и зарыдал.

Перед ним мерцал экран, на котором внешние пикт — обзоратели прокручивались в стандартном режиме. Они ничего не видели и не передавали.

Бертик закричал от бессилия, чувствуя, как его покидает жизнь.

И наконец — то дотянулся.

Дрожа, Эрин нажал кнопки, приказывая машине исполнить святую задачу.

Внешние пикт — обзоратели застыли и заработали.

Они вели передачу ещё минуту, пока машина ксеносов не открыла огонь и не ликвидировала «Глупость инновации».

Келт смотрел, как на мерцающем экране враг убивает «Глупость инновации», а дух машины обрабатывал изображение. Враг смотрел во внешние пиктеры собственными бесчувственными линзами. Освещённая огнём машина сделала шаг назад, затем склонила голову набок, словно задумавшись. От оружейной вспышки изображение было размытым, но нависшая машина ксеносов была такой же тёмно — красной, как и на предыдущем снимке. Если между этим и прошлым пиктом и была разница, то Келт её не заметил. Логика диктовала ему, что это одна машина. Он пытался найти проблеск человечности, что — то знакомое и антропоморфное.

Но не находил ничего. Машина была такой иной, чужой, чуждой, что едва не сломала мозг адепту механикус.

Но Келт улыбнулся. По манифольду разнеслось нечто близкое к радости. Они заметили машину так ясно, как могли ночью и в дыму, и, что важнее, теперь знали, где она.

Наживка готова. Кайон, его охота, его задача, близка к завершению. Гуэ'ла так предсказуемы.

Они решили, что он в месте собраний, квадратной незастроенной части города. Он слышал, как они трещат в грубой коммуникационной сети. Но не прислушивался к словам — лишь к тону, панике.

Гуэ'ла пытались скрыть её радостными победными криками. Они думали, что загнали его в угол. Они думали, что легко убьют его. Они ошибались.

Врэ'валэль покажет им всю ошибочность их путей и цену отвержения Высшего Блага.

Его поступь была тяжёлой, этой машине не хватало изящества костюма — невидимки. Но в этом и не было нужды. Он хотел, чтобы гуэ'ла знали, что он рядом, что за ними пришла смерть. Чтобы каждый тяжёлый удар сердца, каждый судорожный вздох показывал им всю глубину заблуждений.

Но в этом не было страсти, а страх был лишь очередным инструментом охоты. Шас'врэ не чувствовал ненависти к гуэ'ла, лишь печаль и странное сожаление.

Отринуть тау'ва — безумие, безумие, порождённое добровольным невежеством.

Но не ему задавать вопросы. Шас'о отдал приказ. Гуэ'ла мертвы. Их мир принадлежит Империи Тау.

Осталось лишь преподать им урок.

Первым в Развлекательную Гражданскую Локацию 867–АФ прибыла «Хафусийская модель 436». Первой она и погибла. Машина ксеносов выстрелила лишь один раз, но с поразительной меткостью. Поток раскалённой добела плазмы угодил прямо в ствол орудия 436 и испепелил экипаж.

С разных улиц появились ещё два танка, уже стрелявших, извергавших из встроенных воксов машинные молитвы. К ним присоединились «Механизированная слава» и «Третий с конвейера», их орудия грохотали, а воксы тоже транслировали святые слова.

Машина ксеносов стояла неподвижно. Встроенные орудия извергали плазму, а вокруг в сложных конфигурациях вились дроны. Каждый выстрел «Леман Русса» наткнулся на сверкающий щит.

На каждый выстрел отвечал боекостюм.

Он вертелся и кружил, убивая всё, к чему поворачивался.

Танки превращались в пылающие обломки.

Келт, находящийся в Альфе–01А в минутах пути, слушал, наблюдал и дрожал.

Он кричал с командного трона, вернувшись к плотскому голосу юности, когда стресс одолел его аугментированный мозг.

— Убейте его!

Келт вёл танки на квадратную площадь, пытаясь одолеть боекостюм чужаков, следовал приказам старшего полкового магоса.

Он посылал их как гроксов на бойню.

В манифольде возникали опции, предложения логических параметров, подробные планы для сходных ситуаций. На глазах Келта Хуросс отклонял их один за другим. Магос закачивал лишь гнев, отключая истинную логику.

Батальон приближался к площади. Рокотали двигатели, скрежетали гусеницы, гремели турели, умирали машины.

— Как скоро мы убьём проклятую тварь? Как скоро мы достигнем площади? — потребовал ответа дрожащим плотским голосом Келт.

— Две минуты, почтенный сэра, — раздался ответ закутанного технопровидца.

Келт кивнул, сжимая металлическими руками командный трон.

Он направил часть своих вокальных функций на шёпот восхвалений Омниссии, молясь о большей скорости, молясь о победе, молясь о смерти.

Быстрыми гаптическими командами Юрия Келт посылал на смерть всё больше людей и машин.

Началось испытание. Вот она, кульминация кайона.

То, что охотники называют Рай'кор Кау'ва, Миг Идеального Терпения. Миг разоблачения, стойкости. Миг, когда решалась судьба охоты.

Всё новые машины гуэ'ла бросали ему вызов. Всё новые машины гуэ'ла погибали. Но с каждым мгновением их число росло. С каждым мгновением у них было больше шансов попасть, замедлить его.

Улыбка Врэ'валэля сменилась гримасой. Взбудораженные дроны застрекотали.

Их доклады никак не облегчали напряжение момента, не успокаивали разум Врэ'валэля.

Он моргнул, защищая глаза от гибели танка, в ушах звенело после разрядки рельсовой пушки.

Ещё.

Танк отлетел назад, горя, разрываясь, погибая. Он исчез в грибовидном облаке пламени и грязного дыма.

Ещё.

Машина гуэ'ла резко остановилась. Изнутри повалил тёмный маслянистый дым.

Ещё.

На левой руке крутанулась пушка, изрыгая смерть в машины гуэ'ла. Танк людей вспыхнул как свечка, когда лопнули топливные баки.

Каждая гибель, каждый взрыв была особенной.

Одни умирали с криками, другие с пронзительным воем. Третьи просто застывали, а из пробоин валил дым. Но важно было, что каждый погибал. Каждый умолкал.

Это был вызов, который гуэ'ла не могли проигнорировать, пока перед ними стоял он — объект их гнева, их эмоции. На них падали ракеты, убивая. Но гуэ'ла не замечали, откуда они летели, лишь вызванные разрушения.

Способность «Цунами» их учинить воистину поражала, а её тактическое применение идеально подходило к этому моменту. Сам размер и обещание силы пьянили, ловкость была непревзойденной. Его воля становилась проводником величия и праведности тау'ва.

Врэ'валэль скривился, но под оскалом таилась готовая появиться улыбка.

Приманка проглочена. Кайон готов.

Машины гуэ'ла погибали, но истинная добыча, истинная цель охоты была уже близко.

Самые быстрые «Леман Руссы» устремились вперёд, чтобы встретить боекостом и повергнуть его. Они проигрывали. Они погибали.

У Келта капала слюна. Глаза магоса дёргались. Единственным признаком, что он не потерял рассудок, было присутствие в манифольде и отдаваемые экипажу шипящие канты.

Келт не мог сдержать дрожь, и его разум переполняло раздражение от хрупкости человеческой психики.

Манифорьд поглотил ужас. Живой, растущий, разносящийся как зараза. Вслед за ним манифольд разъедала порченная информация.

Осталось лишь пять танков, пять славных механизмов. То были «Первый Закон Машины», Альфа-45X, «Пламя кузни», «Стандартная модель» и конечно Альфа-01А. Другие командиры танков трещали, отвлекали, требуя внимания. Келт не мог им ответить. Они боялись. Их броня была уязвимой. Юрия Келт радовался, что он сидит внутри 01А, бронированного воплощения судьбы людей и благосклонности Омниссии.

Меньшие машины сгрудились вокруг «Гибельного клинка», словно телята вокруг коровы. Под их гусеницами дрожал проспект — самая большая дорога, которая вела на площадь.

Келт видел впереди вспышки, стелящийся дым. Пятьсот метров до врага.

Триста.

Сто.

Первым на площадь въехала «Стандартная модель». Въехала осторожно, почти испуганно. Машина чужаков просто стояла. Само её присутствие было оскорблением святости машин Омниссии и Его посвящённых служителей, Адептус Механикус.

Сразу за ним на площадь выдвинулся 45X, отбросив в сторону горящие обломки «Глупости инновации».

Внутри Альфы-01А Келт молчал. Внезапно ему расхотелось стрелять.

Вперёд выехали ещё два эскортных танка и разделились, оставив посреди проход.

Альфа-01А не столько проскользнул на площадь, сколько втиснулся. И замер, полный угрозы, ощетинившийся огневой мощью.

Тишина воцарилась внутри «Гибельного клинка», внутри каждой имперской машины. Запах пота, важность каждого движения, каждого вида, каждой сенсорной передачи, — всё это приобрело новый смысл.

Все внутри уставились на Келта, когда магос дёрнулся. Всё в «Гибельном клинке» ждали, затаив дыхание, вспотев, ритуальные благовония казались тяжёлыми и удушливыми.

Наконец, Келт сделал небольшое движение, дёрнул рукой. Это сопровождал тихий приказ в манифольде, серия чисел на Лингва Технис.

Все выжившие танки открыли огонь.

Момент настал.

Рай'кор Кау'ва закончился. Прошёл Миг Идеального Терпения, близости кульминации мон'верн'а. Теперь настало время истинной охоты, время захлопнуть ловушку. Гуэ'ла проглотили наживку.

Врэ'валэль сжал зубы, когда «Цунами» качнулся назад. Одна нога сдвинулась, позволяя сохранить равновесие.

Его теснили. Снаряд прорвался сквозь кружащихся дронов и врезался в плечо костюма. Отдача от удара прошла через системы и кольнула плечо самого шас'врэ.

Шаг назад.

С крыши самой крупной машины гуэ'ла сорвалась ракета. Её перехватил один из щитовых дронов, пища рудиментарные сообщения другим. Взрыв ослепил Врэ'валэля на долю секунды.

Два шага.

Прорвался другой танковый снаряд. Застонал рвущийся металл. Врэ'валэль тихо вздохнул от боли.

Взорвались два щитовых дрона. Кинетические удары растянули щит до предела. Он мог вот — вот отказать.

Он попытался пригнуться, минимизируя профиль, попытался маневрировать. Костюм предупреждал о скорости огня, о том, сколько ещё времени он сможет выдержать обстрел. Недолго.

Очередной щитовой дрон умер в буре искр.

Врэ'валэль передал одно слово. Простое, как и все когда — либо отданные им приказы.

— Идите, — сказал он, скривившись.

Он не ждал подтверждения. Оно было и не нужно.

Дым из грубых выхлопных труб танков гуэ'ла наполнил площадь, скрыл всё маслянисто — серой завесой.

Он не стрелял. Лишь переживал атаку, ждал, пока перестанут стрелять гуэ'ла. Их примитивные сенсоры с трудом работали в неблагоприятных условиях.

Грот орудий затих. Командиры танков гуэ'ла пытались разглядеть его, увериться в эффективности обстрела. Они ждали, пока дым рассеется.

Шас'врэ Фал'шиа Бас'рех Валэль не ждал.

Вспышка — и ракеты мчатся к цели, оставляя в густом дыму яркие следы. Пять ракет, созданных гением касты земли, направляемых идеальной технологией тау, мчались к машинам гуэ'ла.

Он слышал их крики. Два танка отчаянно пытались вырваться, сбежать, скрыться от пришедшего рока. Их гусеницы взвыли, когда они дали задний ход.

Всё было тщетно.

Ракеты изменили курс и с воем обрушились на врага.

Это был кошмар. Рок, ожидающий тех слуг машины, что не выполнили свои функции. Воплощённая кара.

Воздух вонял. Смердел страхом, паникой, ужасом.

Все они умерли, были убиты машиной ксеносов.

Келт неконтролируемо дрожал, дёргался и стонал.

— Как? — кто — то спрашивал вновь и вновь. Келт сфокусировался на голосе и разглядел его источник: закутанного технопровидца, которого рассекли пополам хлещущие провода. В луже крови и масла вокруг умирающей женщины ещё плясали искры.

Все четыре эскорта сгнули, погибли, так и не отомстив.

Юрия Келт, техножрец механикус, командующий батальоном магос на борту Альфы-01А смотрел, но не видел. Поражённый, оглушённый и ошеломлённый магос поднялся. Он не помнил, как упал.

Юрия судорожно вздохнул.

Взорвалась консоль, во тьме вспыхнули искры. Повсюду лежали тела, а сервиторы лепетали уже неисполнимые приказы.

Сыпали искры. Текла смазка. Капало масло.

Рядом кто — то бормотал, сыпал числами и буквами: бессмысленной, безумной, бесполезной информацией. Келт заковылял через отсек экипажа. Каждое переключение глаз давало ему новое зрелище страшных разрушений. Он видел, как снесённая голова техадпта всё ещё что — то говорит, все ещё пытается извлечь информацию.

Оторванная рука сжимает гаптический интерфейс, металлические пальцы стучат по клавишам. Другие — живые, ошеломлённые, раненые — ползут.

Манифольд умер, сгинул, исчез.

Освещение мерцает.

Свет.

Тьма.

Свет.

Тьма.

Красные вспышки в темноте, настёрные как мигрень. Келт невольно ощутил радость. Альфа-01А уцелел, его броня устояла перед порчей хищных ксеносов, дух машины упорно отказывался умирать.

Вернулось освещение. Заработали воздухоочистители, принесся слабый запах дыма, но Альфа-01А вернулся к благословенной функции.

Танк дёрнулся вперёд.

Магос Келт рявкнул приказы на святом машинном канте. Его голос был уверенным и ровным.

Орудия открыли огонь. Альфа-01А вновь заговорил.

Врэвалэль устоял перед бурей. Последняя машина гуэ'ла катилась к нему навстречу через дым.

Врэвалэль не чувствовал паники, не чувствовал ничего. Настал момент мон'верн'а, смертельного удара, конца кайона.

Незаметно для гуэ'ла под обстрелом прилетели ещё две команды дронов. Их тёмно — красная окраска была целой, не потрёпанной орудиями гуэ'ла. Они стрекотали.

Улыбка шас'врэ вернулась, натянув сухую синюю кожу.

Следом за дронами, по тем самым улицам, по которым минуты назад катились имперские танки, шли остальные из та'ро'ча, чьи орудия ещё дымились, а с плеч шёл пар.

Имперский танк поражённо застыл. Дымящиеся пушки умолкли. Основное орудие склонилось, словно признавая поражение. В ответ «Цунами» склонили свои орудия, отдавая должное упорству врага.

А затем открыли огонь. Через их орудия говорила совокупная мощь самого тау'ва. Альфа-01А умер так же, как и родился: в огне.

Врэ'толку, чьё сердце пылало, заговорила первой. Её слова наполняли страсть, которая правила ей, делала её достойным представителем касты огня.

— Слепые глупцы.

Врэ'валэль промолчал. Он ждал и наблюдал.

Ответ Врэ'карайима, второго в та'ро'ча, показал простодушие его мыслей, их вида. Он выразил досаду и сожаление о необходимости войны.

— Зачем они сопротивляются, шас'врэ? Зачем отвергают тау'ва?

Врэ'валэль подождал, позволяя им поразмыслить над своими словами и их идеями. Наконец, он ответил.

— Потому что они слепы. У них нет терпения. Они стары. Мы молоды.

По коммуникационной сети кадра промчались слова, обращённые к нему и его та'ро'ча. Судя по приказам, они были нужны. Была замечена очередная бронетанковая колонная гуэ'ла. Нужно было нейтрализовать ещё одну угрозу гегемонии тау'ва.

Шас'врэ Фал'шиа Бас'рех Валэль пошёл прочь от горящих обломков машины гуэ'ла. Он не стал оборачиваться к остальным из та'ро'ча, потому что знал, что они последуют за ним.

— Идём, — сказал Врэ'валэль. — Кайон начинается вновь.